

УДК 1(44):821.133.1

О.Ф. ЖИЛЕВИЧ, канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций
Полесский государственный университет
г. Пинск, Республика Беларусь

Статья поступила 15 апреля 2019г.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА СИЛЬВИ ЖЕРМЕН (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОГО РОМАНА «ВЗГЛЯД МЕДУЗЫ»)

В статье автор рассматривает творчество французской писательницы С. Жермен с позиций присутствия в нем жанровой модификации философско-аллегорического романа. Отмечается значительное влияние философии Э. Левинаса на творческую манеру романистки. По Э. Левинасу, начало человеческого бытия связано с возникновением отношения одного человека к Другому. Этика для философа – это духовное видение, этика говорит о зарождении понятия человеческого как такового и об истоках культуры.

В философско-аллегорической прозе С. Жермен акцентируется внимание на первоисточнике проблем зла и вытекающей из них возможности или невозможности придания всему сущему формы бесконечности. Иными словами, автор задается вопросом, способен ли человек, жестокий по натуре, стремящийся к доминированию и подчинению, признать свое моральное падение и встать на путь исправления во имя Другого.

Писательница признает, что человеческий мир в двадцатом столетии как никогда ранее крайне ожесточен, балансирует на грани насилия, и если зло преобладает, то есть ли вероятность выхода к чему-то высшему? С. Жермен пытается дать ответ на этот вопрос, возводя в основной ракурс образы героев-жертв, которые олицетворяют собой путь к Богу или иным высшим силам. В романе С. Жермен «Взгляд Медузы» разворачивается конфликт между насильственной формой бытия в образе Другого и страданием невинного ребенка. Главная героиня, подросток Люси Добинье, вынужденно вступает во взрослую жизнь после изнасилования ее сводным братом Фердинаном. Люси превращается в существо, которое не является ни ребенком, ни взрослым. Она живет в своем вымышленном мире, где реальность переплетена со сказкой и мифом. Неопределенность, которая окружает Люси, узурпирует ее мир фантазий, поскольку она стремится соединить в себе Других, чтобы защитить себя от угрозы, которую представляет Фердинан.

С. Жермен придерживается идей Э. Левинаса о том, что человечество создано не индивидуалистическим «бытием» и поэтому оно не является основанием для изучения отношений между составляющими всего мира. И Э. Левинас и С. Жермен считают, что человек должен вернуться к недифференцированной связи с материальным миром для того, чтобы полностью осознать свою моральную ответственность перед Другими.

Ключевые слова: этическая философия, Эммануэль Левинас, французская литература, Сильви Жермен, философско-аллегорический роман, метафизическая этика, аллегоризация, Другой, зло, диалог.

JILEVICH Olga F., Cand. of Philol. Sc., Associate Professor
Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Polessky State University, Pinsk, Republic of Belarus

PHILOSOPHICAL BASES OF SYLVIE GERMAIN'S WORK (ON THE EXAMPLE OF THE PHILOSOPHICAL AND ALLEGORICAL NOVEL "THE MEDUSA CHILD")

This article examines the work of the French writer S. Germain from the point of the presence of a genre modification of a philosophical and allegorical novel. The creative style of the novelist is greatly influenced by E. Levinas' philosophy. According to E. Levinas, the beginning of human existence is connected with the emergence of the relationship of one person to Another.

S. Germain's philosophical and allegorical prose focuses on the original source of the problems of evil. This results in the possibility or impossibility of transforming an infinite form of existence. In other words, the author asks a question whether a person who is cruel by nature, who seeks domination and submission, is able to recognize his moral decline and take the right path in the name of the Other.

The writer recognizes that the human world of the twentieth century, as never before, is extremely harsh and violent. Therefore if the immorality dominates, is there any chance of reaching a higher ground? S. Germain is trying to give an answer to this question by focusing on the main heroes-victims, who are showing the path to God or other higher powers.

In the novel by S. Germain "The Medusa Child" a conflict unfolds between the violent form of being in the state of the Other and the suffering of an innocent child. The main character, a teenager Lucy Dobigne, is forced into adult life after being raped by her stepbrother Ferdinand. Lucy lives in her fictional world, where reality is intertwined with fairy tale and myth. The uncertainty that surrounds Lucy invades her fantasy world, as she seeks to unite Others in order to protect herself from the threat that Ferdinand represents.

S. Germain follows Levinas' ideas that humanity was not created by the individualistic "being" and therefore it is not the basis for studying the relations between the components of the whole world.

Keywords: *ethical philosophy, Emmanuel Levinas, French literature, Sylvie Germain, philosophical and allegorical novel, metaphysical ethics, allegorization, Other, evil, dialogue.*

Введение. В условиях многоаспектных художественно-эстетических проблем философское осмысление действительности всегда занимало одно из главных мест в мировой литературе. Философия влияет на «мировоззрение» литературы, практически все философские направления, особенно экзистенциализм, нашли свое отражение в художественных формах слова. Философия оказала неопределимое влияние на художественно-эстетическое сознание французских романистов второй половины XX – начала XXI века, привлекая творческий интерес таких писателей, как Веркор, М. Турнье, Ж. Эшноз, Ж.-М. Г. Леклезю, П. Киньяр, П. Констан, С. Жермен. Писатели заимствовали и использовали в своих произведениях научные идеи, положения, концепции, представляющие философскую науку, что отразилось на новых художественных формах воплощения этого знания. В их творчестве значительную акту-

альность приобрел философско-аллегорический роман как синтетическая жанровая модификация, в которой художественное, образно-иносказательное осмысление действительности сочетается с научнo-логическим его моделированием.

По мнению М. М. Зинде, «философия может входить в произведение разными способами» [1, с. 5]. С одной стороны, она непосредственно оказывается на страницах беллетристики в авторских отступлениях, в спорах или размышлениях персонажей, но не затрагивает повествование на сюжетном уровне. Создавая интеллектуально насыщенную атмосферу, повышая удельный вес аналитического начала, философия в этом случае все-таки не определяет манеру поведения героев, остается внешней по отношению к художественному содержанию произведения, а часто еще и значительно ослабляет его повествовательную канву. Примером может

послужить роман Ж.-П. Сартра «Тошнота» (*La Nausée*, 1938) и повесть А. Камю «Падение» (*La Chute*, 1956).

С другой стороны, синтез философского и художественно-иносказательного начал осуществляется на уровне структуры произведения. Будучи положенным в основу сюжета и воплощаясь изнутри, философский тезис определяет способ мышления героев, их поступки и поведение. Таким образом, в основе современного философско-аллегорического романа находится художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории, и сформированная по образно-понятийным принципам отражения мышления своей эпохи.

Цель данного исследования – выявить специфику художественно-философской парадигмы в романе Сильви Жермен «Взгляд Медузы» как определяющую константу философско-аллегорической прозы писательницы в целом.

Основная часть. Философ и преподаватель, лауреат множества престижных литературных премий, С. Жермен (*Sylvie Germain*, 1954) – одна из наиболее значимых романистов современной Франции. Будучи последователем этических идей известного философа Э. Левинаса, писательница защитила докторскую диссертацию по проблемам аскетизма в христианской мистике (1981).

Ее первый роман «Книга ночей» (*Le Livre des Nuits*) был опубликован в 1985 году и получил широкий отклик как у читательской аудитории, так и у критиков (книга была удостоена шести литературных премий). За второй роман – «Дни гнева» (*Jours de colère*, 1989) С. Жермен получила премию Фемина. За книгу «Магнус» (*Magnus*, 2005) романист была удостоена Гонкуровской премии *des Lycéens*. В 2013 году она стала кандидатом в члены Французской академии, а также членом Королевской академии французского языка и литературы Бельгии.

Проза С. Жермен не укладывается в рамки одной литературной школы или художественного метода. Зарубежные литературоведы относят творчество писательницы к мистическому реализму [2], экзистенциализму [3] и постмодернизму [4]. Так, А. Гуле утверждает, что творческая манера письма С. Жермен наиболее близка «новому роману» [5]. Однако для нашего исследования наибольшую значимость представляет то, что в своих произведениях автор поднимает морально-философскую проблематику, обраца-

ется к универсальным вопросам бытия и его познания. Романы «Книга ночей», «Янтарная ночь» (*Nuit d'ambre*, 1987), «Дни гнева», «Дитя-медуза» (*Enfant Méduse*, 1991, в русском переводе – «Взгляд медузы», 2002), «Безмерность» (*Immensités*, 1993), «Магнус» (*Magnus*, 2005) имеют притчево-аллегорическую поэтику.

Как указывалось выше, значительное влияние на мировоззрение С. Жермен оказала этическая философия Э. Левинаса. По Э. Левинасу, начало человеческого бытия связано с возникновением отношения одного человека к Другому. Этика для философа – это духовное видение, этика говорит о зарождении понятия человеческого как такового и об истоках культуры [6]. В одном из интервью С. Жермен отмечала: «*Мои книги написаны под убеждением значимости Другого. Другой формирует наш характер, наше мировоззрение, Другой сопровождает нас в конфликтных ситуациях, в конфронтации, которая, возможно, является начальной формой борьбы с ангелом – библейского сюжета, к которому я прибегаю начиная с первых романов. Мои книги пропитаны новой этикой Левинаса, его идеей возвращения к духовным истокам, к самому себе – то, что забыто в Другом и что постоянно напоминает: «Ты не убьешь» – то, что написано на лице Другого, но постоянно высмеивается историей*» [7, с. 310] (здесь и далее перевод наш – О. Ж.).

В своих произведениях С. Жермен акцентирует внимание на первоисточнике проблем зла и вытекающей из них возможности или невозможности придания всему сущему формы бесконечности. Иными словами, автор задается вопросом, способен ли человек, жестокий по натуре, стремящийся к доминированию и подчинению, признать свое моральное падение и встать на путь исправления во имя Другого. Писательница признает, что человеческий мир в двадцатом столетии как никогда ранее крайне ожесточен, балансирует на грани насилия, и если зло преобладает, то есть ли вероятность выхода к чему-то высшему? С. Жермен пытается дать ответ на этот вопрос, возводя в основной ракурс образы героев-жертв, которые олицетворяют собой путь к Богу или иным высшим силам. В романе С. Жермен «Взгляд Медузы» разворачивается конфликт между насильственной формой бытия в образе Другого и страданием невинного ребенка. Главная героиня, подросток Люси Добинье, вынужденно всту-

пают во взрослую жизнь после изнасилования ее сводным братом Фердинаном. Люси превращается в существо, которое не является ни ребенком, ни взрослым. Она живет в своем вымышленном мире, где реальность переплетена со сказкой и мифом. Неопределенность, которая окружает Люси, узурпирует ее мир фантазий, поскольку она стремится соединить в себе *Других*, чтобы защитить себя от угрозы, которую представляет Фердинан. С точки зрения философии Э. Левинаса, период жизни Люси до изнасилования – это состояние «*chez soi*» («замкнутость в себе», «чувство одиночества»); ей комфортно в мире, который она создала для себя. Фердинан, в данном случае, играет роль *Другого* и, в аллегорической форме, олицетворяет зло, насилие, тоталитаризм.

В этической философии Э. Левинаса заложена идея о том, что человечество создано не индивидуалистическим «бытием» и поэтому оно не является источником или основанием для изучения отношений между составляющими всего мира. Ученый считает, что человек должен вернуться к недифференцированной связи с материальным миром для того, чтобы полностью осознать свою моральную ответственность перед *Другими*. Этика Э. Левинаса – метафизическая, так как она влечет за собой возвращение к истокам развития человечества.

Следуя Э. Левинасу, С. Жермен в своем творчестве прибегает к метафизической этике как фундаментальной философии. Она также признает красоту, присущую пробуждению в мире и передает ее через невинное осознание ребенка, еще не разделяющего фантазию и реальность, восприимчивость и доминирование, незаинтересованность и полезность.

Идея «разделения» является наиболее важной концепцией для понимания значения «*chez soi*». Э. Левинас передает свои мысли посредством феноменологических представлений о мире. Он настаивает на том, что методы восприятия должны быть отделены от и до формирования концепции рассматриваемых явлений, что подтверждает его позицию о том, что этика была метафизической и до начала возникновения онтологии. Их разделение применяется, прежде всего, для обеспечения разницы между внешним, или материальным миром, и внутренним, или индивидуальным познанием. Левинас понимает эту отличительную особенность как разницу между физическим и метафизическим спосо-

бами опыта и взаимодействия. Психизм, или онтологическое существование, характеризует человека, который действует исключительно в физических, материальных интересах. Э. Левинас придает термину «онтологическое бытие» уничижительный оттенок. Люди, живущие по таким принципам и пытающиеся найти себя в материальном мире, гомогенизируют свое окружение.

В этической философии Э. Левинаса стремится разрушить традиционную диалектическую концепцию человека, примиряющегося с угнетающей или подавляющей его силой. В его этической философии возможно сосуществование этики и справедливости. Он утверждает, что «внутренний мир человека – это синтез времени и истории, вынужденная конечность бытия, которая заставляет человека замолчать в некоей принудительной метонимии» [6, с. 173].

Внешнее окружение человека – это то, что составляет независимость личности, его нежелание сливаться с подобными ему людьми. Внешняя сторона дает человеку возможность высказаться, что приводит к этическим отношениям. Бесконечность бытия заключается в том, чтобы поддерживать экстериторность *Других*, признавая их право на самовыражение в противоположность конечным границам, которые определяют голос отдельных людей внутри истории. Добро создается, чтобы помочь «внешней стороне» человека. В противовес принудительной ассимиляции и объединения людей, Э. Левинас заявляет, что «справедливость – это право говорить» [6, с. 98]. Следовательно, этика порождает добро и справедливость, признавая достоинство личности.

С. Жермен признает аллегорический потенциал выводов философии Э. Левинаса как конфликта личности и истории. Она исследует борьбу человека против истории через столкновение между главными персонажами в романе «Взгляд Медузы» – Люси и Фердинаном. Писательница бросает вызов оптимизму своего наставника. Она оценивает жизнеспособность этики через реакцию и поведение Люси после насилия, физических и духовных страданий, которым ее подверг Фердинан. С. Жермен подвергает сомнению способность облегчить страдания. Она пишет, что «терпение человека имеет свои пределы, что приводит к отрицанию всей метафизики Э. Левинаса» [7, с. 211]. Справедливость невозможна при таких обстоятельствах. Тем не менее, писательница не отри-

цает философию Э. Левинаса, но обращает особое внимание на причинно-следственную цепочку насилия, препятствующую прогрессу и поддержанию этики. Поведение Люси демонстрирует препятствия, которые человечество создает для себя, которые мешают, но не стирают этические отношения.

С. Жермен пытается описать природу страдания, которое не возникает изолированно как намерение и последующее действие. Страдание причиняет Другой и оно передается Другому. Страдание – это общая черта, которая способствует загадке человеческого состояния. С. Жермен выстраивает свою концепцию Страдания через необъяснимую болезнь Фердинана: «Его недостаток не связан с болезнью тела ... Травму нужно искать в другом месте – на уровне души или бессознательного, в чувствах совести, воли. Но это те зоны, в которые просто так проникнуть невозможно» [8, с. 9]. Его физическое состояние отражает его внутреннюю дисгармонию: «Его душа подчиняется закону преступлений, которые он совершил. Его душа в ужасе. Потому что преступления всегда обращаются против тех, кто их совершил. Ужас, страдания и смерть, которую они посеяли вслед за ними, – странные семена, которые прорастают у них под ногами и шаг за шагом сопровождают их» [9, с. 58].

Фердинан не осознает свое состояние, о чем свидетельствует отсутствие преднамеренного действия. Причину его неосознанного поведения можно описать только в метафизических терминах. Боль – это физический аналог страдания, которое является его духовным состоянием. Для лечения Фердинана привлекаются ясновидящие, которые объявляют его проклятым злым духом, и, в итоге, они неспособны поставить точный диагноз...

Страдание – это проклятие, разделяемое человечеством, необъяснимое духовное мучение, которое, тем не менее, явно проявляется в человеке. С. Жермен пишет: «Фердинан принадлежал к той расе существ, которых легионы во всем мире; раса людей, которые дремлют, которые прокладывают свой путь в расцвете сознания, и чья жизнь – короткая. Затем зло проникает в самое сердце без их ведома» [9, с. 7].

Автор рисует образ Фердинана как вектор страдания. По мнению романиста, читатели должны помнить, что «Фердинан не был злым» [9, с. 10]. Его поступки – это результат травмы и связанных с этим страданий. Он – жертва матери, которая лишила его детства.

Фердинан, в принципе, не мог состояться как устойчивая личность из-за того, что его мать настаивала, чтобы он заменил ей покойного мужа. Тем не менее, этот тип страдания возник не по воле матери персонажа. Она страдает в результате смерти ее мужа во время войны. К слову, тема войны проходит сквозь все творчество С. Жермен. Военные действия, по мысли писательницы, это основная причина страданий людей. Войны не начинаются в одно мгновение, они не происходят по одной какой-то причине, они вынуждают их страдать и причинять страдания, затрагивая при этом их огромное количество. В анонимном насилии войны нет места идентичности. Война отчетливо иллюстрирует концепцию психизма.

Ненависть Люси вызвана укоренившейся болью и страданиями Фердинана. Ее молчание – результат ее страданий; она общается только благодаря своей внешности. Люси – «немой ребенок с «говорящими» глазами», ее «гнев – от стыда, ненависть – от насилия» [9, с. 197]. Ее страдания перерождаются в ненависть, которая является еще одним зависимым источником метафизического или духовного состояния. Следовательно, Люси не может сформулировать свое состояние и прибегает к самовыражению любыми иными доступными способами: «В течение двух лет в её глазах была опустошенность, уныние и безразличие. Она ничего не видела вокруг себя и ничего не чувствовала внутри себя. Тело людоеда ослепило её. Затем она посмотрела поверх болотной тины, которая её затащила и увидела иной мир и невидимые ранее вещи» [9, с. 199]. В этой цитате возвращение Люси к психизму определяется ее неспособностью воспринимать вещи с точки зрения «внутреннего» и «внешнего». Она становится все более и более чувствительной, принимая защитную оболочку своей добычи: насекомых и птиц, молясь Святым в надежде проклясть Фердинана и направляя на него души его других жертв. Люси считает себя хранилищем этих сил, жаждущих мести в битве против людоеда Фердинана. Однако Люси, как и Фердинан, страдает в результате обманчивого утешения, которое приходит после насилия: «Но её внимание часто рассеивалось, её воображение было экраном между ней и её отражением и отвлекало её от задуманного плана. Она перепутала свою жизнь с персонажами из сказок, которые она прочитала, она украсила себя мужеством и славой, украденной у героев, об-

наруженных в книгах по истории, она перемешала свои идеи с почвой библейских сцен из катехизиса. И, таким образом, будто отражение в зеркале, умножая и бесконечно маскируя свой взгляд, она фактически лишала себя самой себя, она забыла свою ненависть, свою боль, чтобы наслаждаться, неведомой тайной, которой она была одержима.» [9, с. 200]

Ненависть мешает ей воспринимать себя и свое отношение к окружающей среде с точки зрения разделения и экстерриториальности, ранее являвшейся функцией ее диалектического воображения: «Больше нет границы между реальностью и воображаемым» [9, с. 222]. Результат следующий: «Война, которую она хотела объявить людоеду, коснулась в большей степени её саму» [9, с. 220]. Таким образом, С. Жермен демонстрирует немое забвение, навязанное страданиями и ненавистью, которыми люди заражают друг друга.

Месть требует чрезмерных усилий. Ненависть и насилие – это потребляющие силы, которые не могут достигнуть адекватного удовлетворения, если их воспринимать как побуждение к действию или причину существования. В романе «Взгляд Медузы» у обоих героев – Люси и Фердинана – физические и духовные недостатки, которые являются результатом их уступки ненависти и насилия. Фердинан в конечном счете умирает, но С. Жермен точно не сообщает причину смерти персонажа. Автор предоставляет читателю возможность поверить, что Фердинан умер в результате болезни души и угрызений совести: «страх, который он однажды породил, вернулся бумерангом к источнику насилия, чтобы нанести ему смертельный удар» [9, с. 194]. Люси – воплощение его совести. Она стоит над ним, поверженным и обезоруженным, парализуя его своим взглядом Медузы, показывая ему фотографии других молодых девушек, которых он убил, и помещая на его тело насекомых.

Победа и превосходство Люси отражает концепцию личности в философии Э. Левинаса. Люси на протяжении всего романа давала Фердинану возможность измениться, однако он остался безразличным человеком, который сделал *Другого* подобным себе [10, с. 53].

Поведение девочки, особенно в эпизодах с насекомыми, кажется читателю откровенно детским и комичным, поскольку героиня считает, что жуки обладают способностью убить других и могут использоваться в каче-

стве защитного оружия. Однако это чувство также вызывает жалость, так как она думает, что она также способна совершить насилие в отместку за себя, хотя она бессильна это сделать. Люси не убивала Фердинана; каждый из них искупает свои преступления в равной степени. Люси, тем не менее, берет на себя ответственность за смерть Фердинана: «При объявлении смерти Фердинанда Люси не высказала ни удивления, ни боли, она даже не чувствовала никаких эмоций. Прошло шесть месяцев с тех пор, как она терпеливо и неустанно продумывала, как совершить это убийство. Таким образом, смерть Фердинанда казалась ей плодом, созревшим благодаря её настойчивости. Это был логичный и абсолютно правильный конец. ...Тупой страх, смешанный с отвращением, удерживал её подальше от гроба. Она отказалась следовать за колонной на кладбище в день похорон. ... Месть была совершена, справедливость восторжествовала, и этого было достаточно. ... «Она убила этого чудовищного ублюдка! Она тихим голосом пробормотала эту странную новость в камышах: «Людоед мертв. Мой брат мертв. И это я его убила. Вы слышите? Нет, никто этого не слышал» [9, с. 256]. В этом эпизоде стираются границы между реальным и воображаемым в диалектическом воображении Люси. Методы и средства, которые Люси применяла, теряют свое значение. Диалектическое воображение Люси рационализировало насилие, отделив его от реального, что вызывает отвращение у нее, как только завеса воображения сдернута. С. Жермен, таким образом, демонстрирует редуцированное насилие, взаимно исполняемую вендетту ассимиляции, которую диалектика навязывает людям и идеям. Тем самым автор доказывает жизнеспособность этической альтернативы Э. Левинаса, которая требует и укрепляет личную свободу человека.

Терпение преодолевает месть, а также может восстановить справедливость и этику. С. Жермен называет последний раздел романа «Терпение», который служит эпилогом, разрешающим конфликт. В «Легенде» Люси показывается взрослой, но все еще пытающейся преодолеть травму своего детства. Автор начинает раздел с экфрастического отрывка, описывающего «Благовещение пастухам» Таддео Гадди. Эта фреска изображает ангела, спускающегося вниз к пастухам и их стадам, что можно интерпретировать в контексте романа как иллюстрацию левинасовской этики. С. Жермен включает в произведение

описание этой фрески, чтобы обозначить восстановление этики, а также чтобы дать завершающую оценку философии своего наставника. Люси продолжала испытывать трудности с тем, чтобы подавить свою ненависть или переместить себя в сферу «*chez soi*» в последующие годы: «Каждый раз она хотела бы с самого начала достичь гармонии в душе или, точнее, найти абсолютное согласие между тем, что кричало, страдало в ней, и выражением этого страдания» [9, с. 287]. Люси остается эмоционально отчужденной, пока ее мать не заболела. Люси обвинила свою мать в том, что она не видела ее страдания в детстве и не защитила её от Людоода. Однако она не бросает ее и утешает из сочувствия к покойному отцу: «Алоизу оперировали ... Рак рецидивировал ... Повторное калечение тела матери отразилось на Люси. При каждой последующей операции, у Люси словно отрезали остатки ее обид, которые она раньше питала к матери. Сострадание все глубже и глубже проникало в Люси, открывая в ней неведомые бездны, в которые проваливались её старые обиды, ее полузабытая ненависть, остатки гнева и сухие вспышки ярости. И прощение, как чистая вода, излилось в глубины этих бездн. Поток воды постепенно объял всех, кто причинил ей боль, разочаровал или предал. Подобно очистительной воде». [9, с. 266]

По философии Э. Левинаса, Алоиза – это «жалкий» образ *Другого*. Благодаря существованию этого персонажа, Люси заново учится сочувствию. Она покидает Париж и возвращается в Ле Блан, что является проявлением стихийного аскетизма, который подражает бедности *Другого*. Голос Люси восстанавливается; она выходит из совокупности истории и психизма в бесконечность, справедливость и трансцендентность. Она «простила брата после тридцати лет боли и страданий. Все закончилось.» [9, с. 243] Люси признает, что этот процесс был плодом терпения. С. Жермен пишет: «Затем Люси почувствовала, что ей нужно заново научиться видеть мир вокруг себя. Не только небо, но и деревья, дорожки в полях, тени, скользящие по стенам и вещам, и лица, наконец. Особенно лица ... Научиться также слушать, воспринимать тона голосов, молчание и дыхание. Научиться прикасаться к миру, прикасаться кончиками пальцев, чтобы почувствовать украденную сладость.

Научиться терпению. ... Терпению выйти за пределы самой себя ... согласиться быть

самой собой, – пустыней, выровненной ветром благодати» [9, с. 277].

Заключение. Художественное повествование и философское исследование озабочены поиском происхождения, будь то через миф, через поиск «априорных» основ или через само понятие «начала» истории. Междисциплинарное слияние гуманитарных наук направлено на исследование того, как люди и миры, или «реальность», возникают *ex nihilo*.

Этика Э. Левинаса находится за пределами формальной логики. С. Жермен поддерживает мнение философа о том, что в современном мире существует тенденция потери индивидуальности или ее принесение в жертву истории. После пережитого насилия, главная героиня Люси замкнулась в себе. Она представляла собой объект физического насилия Фердинана и выступала концептуальным продуктом чужого языка: в этом отношении ее судьба демонстрирует однозначную тенденцию истории. В конце романа Люси снова приобретает свою личную свободу, заново учится выражать свои чувства и эмоции, начинает сочувствовать Алоизе. Таким образом, посредством образа Люси, автор демонстрирует статус личности в рамках всей истории, а также непоколебимость индивидуальности человека. С. Жермен использует философию Э. Левинаса в таких условиях, что ее герои вынуждены признавать свое зависимое происхождение, объясняющее распространение зла, а также необходимость признания диалектики в качестве логической модели, несовместимой с целью справедливости и этики.

С. Жермен в романе «Взгляд Медузы» рассматривала вопросы нравственного сознания, жестокости и насилия, совести и вины, искупления и/или возмездия, однако при этом она уклонялась от выводов, предоставляя читателю возможность самому решить, что истинно, а что ложно. В основе философско-аллегорического романа «Взгляд Медузы» – образ *Другого*, скрытый в системе симметричных персонажей. Существование *Другого* подразумевает диалог как одну из возможных форм трансцендентального. В данном произведении писательница аргументирует философский постулат о том, что *Другой* – это единственный мыслимый гарант существования *Я*. Повествовательный прием «философская аллегоризация» позволил автору уклониться от открытых морально-этических суждений и был направлен на то,

чтобы побудить читателя мыслить, предоставить ему возможность самому найти истину.

Список литературы

1. Зинде, М. М. Творчество Уильяма Голдинга: (К проблеме философского аллегорического романа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / М. М. Зинде. – Москва, 1979. – 15 с.
2. Besnard, A. Histoire individuelle, histoire collective dans deux romans de Sylvie Germain / A. Besnard // Études romanes de Brno. – 2012. – Vol. 33:1. – P. 177–188.
3. Moris-Stefkovic, M. Vision et poésie dans l'œuvre romanesque de Sylvie Germain / M. Moris-Stefkovic. – Paris : Honoré Champion, 2014. – 219 p.
4. Laurence, E. Passeurs de douleurs chez Sylvie Germain / E. Laurence // Contemporary French and Francophone Studies. – 2017. Vol. 21:2. – P. 189–196.
5. Goulet, A. L'univers de Sylvie Germain / A. Goulet. – Caen : Presses universitaires de Caen, 2008. – 354 p.
6. Levinas, E. Basic Philosophical Writings / E. Levinas. – Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 1996. – 201 p.
7. Goulet, A. En guise de conclusion : questions à Sylvie Germain / A. Goulet // L'Univers de Sylvie Germain, actes du colloque de Cerisy-la-Salle (22-29 août 2007). – Presses Universitaires de Caen, 2008. – P. 309-321.
8. Blanckeman, B. Sylvie Germain: parcours d'une œuvre / B. Blanckeman // Roman 20-50. – 2005, Vol. 39. – P. 7–14.
9. Germain, S. L'Enfant Méduse / S. Germain. – Paris : Gallimard, 1991. – 290 p.
10. Жилевич, О. Ф. Роман С. Жермен «Взгляд Медузы» как аллегория современного мира / О. Ф. Жилевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 53-56. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37217249>. – Дата доступа: 29.04.2019.

References

1. Zinde M. M. *Tvorchestvo Wil'ama Goldinga (K problem filosofskogo allegoricheskogo romana)* [William Golding's creativity: (On the Problem of a Philosophical Allegorical Novel)] : Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Abstr. thes. ... Cand. filol. Sciences: 10.01.05. Moscow, 1979, 15 p. (In Russian)
2. Besnard A. Individual history, collective history in Sylvie Germain's two novels. *Romanesque studies of Brno*. 2012, Vol. 33:1, pp. 177–188. (In French)
3. Moris-Stefkovic M. Vision and poetry in Sylvie Germain's novel. Paris, 2014. 219 p. (In French)
4. Laurence, E. Pain relievers in Sylvie Germain's works. *Contemporary French and Francophone Studies*. 2017, Vol. 21:2, pp. 189–196. (In French)
5. Goulet, A. The world of Sylvie Germain. Caen, 2008. 354 p. (In French)
6. Levinas, E. *Basic Philosophical Writings*. Bloomington, Indianapolis, 1996, 201 p. (In English)
7. Goulet, A. By way of conclusion: questions to Sylvie Germain. *Sylvie Germain's Universe, proceedings of the Cerisy-la-Salle conference (22-29 august 2007)*. 2008, pp. 309-321. (In French)
8. Blanckeman, B. Sylvie Germain: review of works. *Novel 20-50*. 2005, Vol. 39, pp. 7–14. (In French)
9. Germain, S. *The Medusa Child*. Paris, 1991. 290 p. (In French)
10. Jilevich O. F. Roman S. Germain "Vzgl'ad Medyzu" kak allegorija sovremennogo mira [Sylvie Germain's "The Medusa Child" as an allegory of the contemporary world]. *Vestnik Polockogo niversiteta. Serija A: Gymanitarnuje nayki* [Bulletin of Polotsk University]. 2019. № 2. P. 53-56. [Electronic resource]. Mode of access: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37217249>. Date of access: 29.04.2019. (In Russian)

Received 15 April 2019